

политика

Ю.А.Кабанов

ЭЛЕКТРОННЫЙ АВТОРИТАРИЗМ

ИНСТИТУТ ЭЛЕКТРОННОГО УЧАСТИЯ

В НЕДЕМОКРАТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

Ключевые слова: электронное участие, авторитаризм, гибридные режимы, цифровая дилемма диктатора

Поскольку все больше демократических институтов и практик заимствуется недемократическими странами, проблема их появления и выживания в новой для себя среде остается актуальным направлением политических исследований¹.

К числу активно заимствуемых в последнее время институтов относится электронное участие (e-participation). Хотя общепринятого определения термина пока нет², считается, что электронное участие занимает промежуточное положение между электронным правительством и электронной демократией. В отличие от последней, электронное участие выходит за рамки политической сферы, являясь более широким и нейтральным концептом. От электронного правительства оно отличается тем, что видит в индивидах граждан, а не «клиентов»³. Согласно подходу ООН, электронное участие предполагает использование интернет-сервисов для информирования граждан (e-information), взаимодействия с заинтересованными группами (e-consultation) и вовлечения граждан в принятие решений (e-decision-making)⁴.

Тренд последних нескольких лет заключается в том, что электронное участие перестает быть отличительной особенностью демократий. В недемократических странах появляются интерактивные государственные сайты, порталы электронных петиций, форумы и механизмы обратной связи. Эти страны постепенно наверстывают свое отставание (см. *рис. 1 Приложения*), и характеристики политического режима все меньше объясняют различия в уровне развития электронного участия (см. *табл. 6 Приложения*).

Зачем недемократическим странам институт электронного участия и что предопределяет его развитие и функционирование? В настоящей статье мы попытаемся ответить на эти вопросы, опираясь на уже имеющиеся достижения в изучении проблемы и собственное эмпирическое исследование.

Электронное участие в недемократических странах

Необходимо оговориться, что, отмечая рост электронного участия в недемократических странах, исследователи обычно ориентируются на Индекс электронного участия рейтинга *UN E-Government Survey*.

¹ *Brancati 2014.*

² *Обзоры см. Sanford, Rose 2007; Medaglia 2012; Susha, Grönlund 2012.*

³ *Susha, Grönlund 2012: 373—374.*

⁴ *E-Participation Index s.a.*

⁵ Grönlund 2011.

Этот индекс нередко критикуется за формальный подход, поскольку он не учитывает реальные возможности участия граждан в публичной политике и зачастую расходится с оценками уровня развития демократии в стране⁵. Другими словами, под ростом электронного участия, как правило, понимается появление соответствующих формальных структур безотносительно к их фактическому использованию.

При всем том Индекс ООН довольно четко фиксирует рост интереса недемократических стран если не к электронному участию *per se*, то как минимум к самому рейтингу. На это указывают и опрошенные нами в ходе исследования эксперты. Некоторые страны пытаются выявить, внедрение каких механизмов электронного участия повысит их позиции в рейтинге, и концентрируются на подобных проектах. Поэтому Индекс отражает скорее стремление государств улучшить свой имидж, нежели реальное использование электронных механизмов.

Как показывают стандартные отклонения показателей стран в Индексе ООН, с точки зрения отношения к электронному участию недемократические страны распадаются три группы. Одни страны эта волна практически не затронула. Другие, наоборот, с самого начала стабильно лидируют в рейтинге. Наконец, в третьих сравнительно недавно стали уделять внимание электронному участию, а интерес властей к данному направлению носит скачкообразный характер. Их отличает значительный разброс значений, резкие спады и подъемы (см. *табл. 1*).

Таблица 1 Разброс значений некоторых стран в Индексе электронного участия ООН (2003–2014 гг.)⁶

⁶ Здесь и далее расчеты автора.

Позиция по уровню стандартного отклонения значений в Индексе	Страна	Минимальное значение	Максимальное значение	Стандартное отклонение
2	Казахстан	0,0909	0,9474	0,6513
3	ОАЭ	0,0492	0,8431	0,6090
5	Бахрейн	0,0476	0,8235	0,5695
6	Марокко	0	0,8039	0,4988
10	Катар	0,0164	0,6316	0,4037
11	Россия	0,0909	0,6863	0,3931
42	Китай	0,0820	0,6470	0,2256
103	Сингапур	0,1073	0,9841	0,1073
114	Беларусь	0,0789	0,3965	0,0868
150	Уганда	0,0328	0,2956	0,0478
191	КНДР	0	0,0196	0,0003

⁷ Brancati 2014: 9. С чем связан интерес части авторитарных стран к электронному участию? Если под мотивацией правящей элиты понимать эффект от проводимой ею политики (что не всегда так)⁷, то демократизация

вряд ли входит в число основных мотивов. Многочисленные исследования показывают, что электронное правительство и электронное участие в недемократических странах чаще всего являются «потемкинскими деревнями» и их внедрение почти никогда не влечет за собой каких-либо политических или институциональных изменений⁸.

⁸ *Katchanovski, La Porte 2005; Karlsson 2013; Linde, Karlsson 2013.*

На наш взгляд, задачи электронного участия в автократиях во многом аналогичны тем, что возлагаются там на другие демократические институты вроде выборов. Как отмечает Д.Бранкати, использование подобных институтов повышает устойчивость режима, так как с их помощью власть может сигнализировать о своей силе, собирать информацию, устанавливать патронаж, обеспечивать исполнение обязательств (*credible commitment*) и контролировать поведение внутри правящей элиты⁹.

⁹ *Brancati 2014.*

Несмотря на высказывавшиеся ранее оптимистические прогнозы о демократизирующем потенциале информационно-коммуникационных технологий (ИКТ)¹⁰, при определенном раскладе они могут из угрозы авторитарной власти превратиться в дополнительный источник ее поддержания¹¹. Инструментальное значение электронного участия в этом контексте состоит в том, что *online*-механизмы диалога с гражданами позволяют власти относительно безопасно для себя принимать сигналы от общества и учитывать их при принятии решений. Создаются каналы консультаций, или *авторитарной делиберации*, которая отличается от своей демократической версии лишь отсутствием перераспределения власти между государством и обществом¹². Одновременно государство получает возможность собирать информацию о настроениях в обществе, регулировать повестку дня и контролировать нижестоящие уровни управления (например, используя *online*-работу с гражданами как индикатор эффективности).

¹⁰ *Diamond 2010.*

¹¹ *Göbel 2013: 389—390.*

¹² *Jiang 2010; He, Warren 2011: 272—273.*

Многие исследователи подчеркивают символическое значение государственных интернет-проектов. Прежде всего оно заключается в повышении легитимности режима. ИКТ-механизмы становятся важным инструментом формирования «электронного образа» государства и проявлением его символической власти¹³, демонстрацией его современности и устойчивости¹⁴. Благодаря порталам электронного участия государство начинает восприниматься как слышащее своих граждан и открытое к диалогу с ними. При этом неважно, идет ли речь об инициативе Б.Обамы, направленной на создание в США «открытого правительства»¹⁵, или о политике Китая по внедрению формальных механизмов электронного участия¹⁶. И в демократиях, и в автократиях новые технологии открытости и участия играют примерно равную роль в поддержании легитимности власти.

¹³ *Chadwick 2001.*

¹⁴ *Трахтенберг 2012: 294.*

¹⁵ *Coglianesi 2009.*

¹⁶ *Jiang, Xu 2009.*

Помимо воздействия на ситуацию внутри страны, внедрение электронного участия имеет и важное внешнее измерение, выступая фактором международной социализации и экономической привлекательности. Соответствие ведущим мировым трендам дает не только определенные статусные преимущества, но и конкретные бонусы в виде

¹⁷ Berry F.S.,
Berry W.D. 1999;
Dolowitz, Marsh
2000: 7.

¹⁸ Cooley 2015: 4—5.

притока иностранных инвестиций. Процессы глобализации и деятельность международных организаций способствуют углублению коммуникации и продвижению «лучших практик», тем самым усиливая глобальный *трансфер институтов* и *диффузию инноваций*¹⁷. Растет влияние на внутреннюю политику и международных рейтингов, формирующих образ страны за рубежом. Особенно внимательно государства относятся к рейтингам, которые могут отразиться на их инвестиционной привлекательности, и стараются хотя бы формально соответствовать подразумеваемым в них идеальным моделям¹⁸. Электронное участие полностью вписывается в эту схему, будучи глобальной политической инновацией, продвигаемой и через общую деятельность ООН, и через разработанный ею Индекс, и через политику других международных организаций и отдельных государств. В качестве функциональных структур электронные механизмы могут упрощать международную коммуникацию и торговлю, в качестве «декорации» — свидетельствовать о современности и силе государства.

Таким образом, институт электронного участия в недемократических странах может выполнять сразу несколько важных функций: быть элементом внутренней и внешней легитимации, механизмом мониторинга общественных настроений и инструментом повышения инвестиционной привлекательности. Именно этим, по-видимому, и объясняется рост интереса к электронному участию. Однако далеко не все государства уделяют этой сфере должное внимание и одинаково успешно реализуют соответствующий политический курс.

Попытки объяснить различия в подходах к внедрению электронного участия предпринимались неоднократно. Как правило, исследователи стараются определить, какие факторы — внешние или внутренние — имеют большее значение, а также выяснить относительный вес политических и неполитических переменных.

Не ставя под сомнение обусловленность распространения электронного участия глобальной диффузией инноваций, Ч.Ли и его коллеги вместе с тем полагают, что если в развитии электронного правительства ведущая роль принадлежит международному обучению, социализации и конкуренции, то электронное участие больше зависит от внутренних факторов¹⁹. В свою очередь Й.Острём и его соавторы убеждены, что при обращении авторитарных стран к электронному участию внешние факторы (экономическая глобализация) превалируют над внутренними. Согласно их заключению, внедряя подобные механизмы, страны сигнализируют международному сообществу о своей современности, развитости и привлекательности. При всем том исследователи призывают не упрощать ситуацию, подчеркивая, что при анализе данного феномена необходимо учитывать не только внешнюю среду, но и внутривнутриполитическую динамику²⁰.

¹⁹ Lee et al. 2011.

²⁰ Åström et al.
2012: 148.

Дискуссионным остается и вопрос о роли режимных характеристик. В одних работах демократичность режима рассматривается в качестве предиктора успеха проектов электронного участия (наряду с развитыми

- ²¹ *Jho, Song 2015.* технологиями)²¹. В других указывается на ослабление значимости политических характеристик и возрастание роли *state capacity* — институтов и экономических возможностей государства²².
- ²² *Gulati et al. 2014; Stier 2015.*

В любом случае, несмотря на заметные успехи в исследовании электронного участия, единая объяснительная модель по-прежнему отсутствует. В литературе сформулирован набор базовых гипотез о причинах его развития, однако попытки объединить их в один теоретический подход пока не увенчались успехом. Недостаточно внимания, в частности, уделено региональным аспектам данной проблемы, хотя временная динамика изучена довольно полно. Все это указывает на необходимость определенного переосмысления каузальных механизмов электронного участия и тестирования соответствующих факторов.

Электронное участие и цифровая дилемма диктатора

При анализе государственной интернет-политики широко используется так называемая *цифровая дилемма диктатора*. Ее возникновение обусловлено двойственным эффектом новых информационно-коммуникационных технологий: с одной стороны, ИКТ способствуют экономическому развитию страны, с другой — свободный поток информации упрощает мобилизацию протестного потенциала, тем самым ставя под угрозу авторитарный режим. В итоге авторитарный правитель оказывается перед выбором: либо сохранять status quo ценой экономической неэффективности и отставания от ведущих стран, либо стимулировать развитие новых технологий с риском потерять власть²³.

- ²³ *Kedzie 1997.*

Некогда бытовавшие представления о прямой и практически необратимой связи между распространением ИКТ и демократизацией сегодня критикуются за технологический детерминизм, линейность и чрезмерное упрощение²⁴. Гораздо большей популярностью пользуется другой — инструментальный — подход, согласно которому связь между интернетом и демократизацией опосредована сложившимися в стране институтами и политикой государства, которая может быть довольно разнообразной²⁵. Авторитарные власти могут «приоткрывать» интернет в целях экономического роста и при необходимости ограничивать его политический потенциал²⁶. Если риски нарушения стабильности режима и издержки превышают возможные выгоды, контроль над сетью будет усиливаться, и наоборот²⁷.

- ²⁴ *Ko et al. 2009: 281; Saleh 2012.*

- ²⁵ *Ko et al. 2009: 281—282.*

- ²⁶ *Howard et al. 2011.*

- ²⁷ *Kerr 2014.*

Поскольку распространение интернета и развитие электронного участия тесно связаны между собой и логически, и статистически, применение к анализу последнего цифровой дилеммы диктатора представляется вполне оправданным. Хотя рациональность решения о внедрении электронного участия может быть ограничена внешним влиянием либо недостатком информации, мы убеждены, что именно рациональные соображения определяют развитие института. При разработке и проведении политического курса правительства руководствуются представлениями о его преимуществах и недостатках, основываясь на расчете выгод и издержек. На одной чаше весов — стимулы, заключающиеся в международной

социализации, легитимации режима и инвестиционной привлекательности, на другой — политические риски и экономические затраты, обусловленные ресурсоемкостью проекта. Исходя из этого, можно сформулировать следующую гипотезу: *уровень развития электронного участия будет выше в тех недемократических странах, где его внедрение сулит большие потенциальных выгод и грозит меньшими издержками.*

Основываясь на допущении о рациональности акторов, мы предполагаем, что определяющими для их выбора будут условия, в которых принимается решение. Если страна активно включена в мировую политику и экономику, внедрение механизмов электронного участия — важный шаг на пути дальнейшей международной социализации, выступающий в качестве элемента модернизации. Напротив, отказ от использования ИКТ в государственном секторе влечет за собой немалые репутационные и/или экономические издержки. Упомянутая выше работа Острёма и его коллег, продемонстрировавшая значимость экономической глобализации в развитии электронного участия, свидетельствует о правдоподобности такой точки зрения²⁸. Однако нужно иметь в виду сложность глобализации. Предстоит оценить, какие стимулы — экономические или политические — играют большую роль.

Не менее важен вопрос о политических и экономических издержках. Каким образом недемократическим странам удастся отвечать на демократические вызовы электронного участия? Играет ли роль обеспеченность ресурсами в преодолении экономических издержек внедрения?

Как указывает К.Гёбель, каким бы мощным ни был вызов авторитарному режиму, именно сила режима, а не внешнего шока имеет определяющее значение²⁹. Следовательно, готовность страны внедрять электронное участие не в последнюю очередь зависит от того, насколько действующий в ней режим устойчив или кажется таковым. Чем прочнее позиции властной элиты, тем вероятнее высокие темпы развития электронного участия.

У авторитарного правителя достаточно инструментов, позволяющих поддерживать устойчивость режима. Например, одновременно с имплементацией электронного участия можно усилить контроль над гражданской активностью online и offline, вплоть до прямых запретов и политического террора. Однако подобный способ обеспечения устойчивости режима едва ли можно назвать оптимальным. Для расширения базы поддержки и снижения оппозиционных настроений вполне можно использовать институты³⁰. Работающие институты в сочетании с реальной либо декларативной эффективностью управления позволяют создать образ власти, способной проводить реформы и грамотно распределять ресурсы в обществе³¹. Действенная бюрократия — один из ключевых факторов успешной реализации политики в авторитарных странах, поэтому наличие качественных государственных институтов снижает не только политические, но и иные издержки реформ³². О значимости *state capacity* для воплощения в жизнь проектов электронного участия говорят и некоторые предыдущие исследования³³.

²⁸ Åström et al. 2012.

²⁹ Göbel 2011: 178.

³⁰ Gandhi, Przeworski 2007; Brancati 2014.

³¹ Göbel 2011: 180—181, 184.

³² Гельман, Стародубцев 2014: 8—9.

³³ Stier 2015.

Итак, эффективная бюрократия и репрессии, направленные на ограничение гражданской активности, позволяют авторитарным государствам купировать политические риски, связанные с внедрением электронного участия. Но каким образом они справляются с сопряженными с реализацией данного проекта экономическими издержками?

Если мы посмотрим на наиболее успешные с точки зрения электронного участия недемократические страны, то обнаружим в их списке довольно много экспортеров природных ресурсов. Нефтегазовые доходы — перспективный источник средств для реализации дорогостоящих проектов. Сокращая экономические издержки, они минимизируют и политические риски. Хотя *ресурсное проклятие* ассоциируется с государственной нестабильностью и гражданскими войнами, *ресурсное богатство* может оказывать на авторитарный режим стабилизирующее влияние, открывая возможности для политической демобилизации граждан через распределение ренты³⁴. С другой стороны, наличие ресурсной ренты уменьшает зависимость власти от населения, что ведет, в частности, к сокращению свободы информации в стране³⁵. Иначе говоря, *нефть* может оказывать на электронное участие как положительное, так и отрицательное влияние.

Таким образом, общая гипотеза нашего исследования распадается на две части. Мы предполагаем, что уровень развития электронного участия будет выше в тех недемократических странах, которые (1) в большей степени включены в процессы экономической и/или политической глобализации, (2) более устойчивы в политическом отношении, что достигается либо посредством политического террора, либо благодаря повышению качества государственных институтов, либо через использование нефтяной ренты.

³⁴ Morrison 2009; Ross 2001.

³⁵ Egorov et al. 2009.

Дизайн исследования

При тестировании гипотез применялись множественная линейная регрессия и, частично, корреляционный анализ. В целях выявления различий между авторитарными и гибридными режимами были задействованы две выборки стран. В первую вошли *несвободные*, во вторую — *частично свободные* страны по версии *Freedom House*³⁶, что с некоторыми оговорками соответствует введенному Л.Даймондом делению на закрытые автократии и различные гибридные формы³⁷.

Зависимой переменной выступал показатель страны в Индексе электронного участия ООН, составляемом раз в два года. Исследование ограничено 2007—2013 гг. (рейтинги за 2008—2014 гг. соответственно), так как именно в этот период наблюдался заметный рост результативности проектов электронного участия в недемократических странах (см. рис. 1 Приложения).

Значения независимых переменных брались с временным лагом в два года, то есть за 2005—2011 гг. Для операционализации уровней экономической и политической глобализации страны использовались соответствующие показатели Индекса глобализации Швейцарского экономического института³⁸. Стабильность режима понималась нами

³⁶ Freedom in the World s.a.

³⁷ Diamond 2002.

³⁸ KOF s.a.

- в узком смысле — как длительность его существования. Для ее измерения были привлечены данные проекта *Polity IV*³⁹. Уровень политического террора в стране определялся на основе данных проекта *Political Terror Scale*⁴⁰. Качество институтов оценивалось через средний показатель страны по шести индикаторам качества государственного управления Всемирного банка⁴¹. Наконец, для оценки влияния ресурсов были введены две переменные: *нефтяные доходы* (стоимость произведенной нефти в долларах США в ценах 2009 г., данные М.Росса⁴²) и *зависимость от нефти* (нефтяная рента в ВВП, данные Всемирного банка⁴³).
- В качестве контрольных переменных использовались показатели, характеризующие социальные, политические, технологические и экономические особенности государств. Социальные условия трактовались как уровень развития человеческого капитала и оценивались на основе *Human Capital Index*⁴⁴. Для фиксации характера политического режима применялся показатель институционализации демократии (*DEMOC*) проекта *Polity IV*⁴⁵. Технологическое развитие страны и возможности использования населением электронных сервисов измерялись через долю пользователей интернета (по данным Всемирного банка⁴⁶). Под экономическим развитием понимался ВВП страны на душу населения (по данным Всемирного банка⁴⁷).

Кроме того, были использованы dummy-переменные, фиксирующие региональную принадлежность страны (*Латинская Америка, Ближний Восток, постсоветские страны и Африка*). Описательная статистика переменных представлена в табл. 2 и 3. Задействованные при анализе переменные были подвергнуты z-стандартизации.

Таблица 2 Описательная статистика переменных (гибридные режимы)

Переменная	Кол-во случаев	Минимум	Максимум	Среднее	Стандартное отклонение
Электронное участие	230	0,00000	0,94740	0,1877384	0,19999273
Экономическая глобализация	201	21,82	97,63	53,1647	14,75721
Политическая глобализация	230	22,56	92,74	64,9632	17,54431
Стабильность режима	218	0,00	61,00	13,0275	13,91843
Политический террор	199	1,00	5,00	2,9849	0,90859
Качество институтов	229	-1,56	1,49	-,5190	0,47388
Нефтяные доходы	222	0,00	97,49	5,6973	17,31047
Зависимость от нефти	152	0,00	58,08	5,4177	12,21736
Человеческий капитал	230	0,11029	0,92630	0,6447727	0,20249257
Демократия	208	0,00	9,00	5,2019	2,93037
Интернет	225	0,22	93,49	18,9719	21,63731
ВВП на душу населения	230	140,82	53122,25	3848,1984	7677,47526

Таблица 3 Описательная статистика переменных (авторитарные режимы)

<i>Переменная</i>	<i>Кол-во случаев</i>	<i>Минимум</i>	<i>Максимум</i>	<i>Среднее</i>	<i>Стандартное отклонение</i>
Электронное участие	186	0,00000	0,94740	0,1817352	0,21077113
Экономическая глобализация	137	24,87	89,02	54,8049	15,03919
Политическая глобализация	183	20,93	94,16	56,5574	17,36849
Стабильность режима	179	0,00	85,00	21,0615	20,37435
Политический террор	174	1,00	5,00	3,2672	0,94753
Качество институтов	185	-2,45	0,79	-0,8686	0,63165
Нефтяные доходы	184	0,00	366,98	25,6790	57,300
Зависимость от нефти	142	0,00	70,64	21,9486	20,13305
Человеческий капитал	182	0,00000	0,99866	0,6633284	0,20608384
Демократия	165	0,00	7,00	0,8606	1,51777
Интернет	176	0,00	83,76	13,5848	18,25191
ВВП на душу населения	172	213,31	89115,90	6995,4598	12779,08347

Результаты анализа и интерпретация

В результате анализа был получен набор моделей (см. *табл. 4–5*), отвечающих минимальным допущениям об отсутствии мультиколлинеарности и автокорреляции (M1–M22). Несмотря на различия в выборках, следует признать схожесть факторов, обуславливающих развитие электронного участия.

Среди переменных, выбранных нами в качестве контрольных, наиболее значимым оказался уровень проникновения интернета, демонстрирующий технологическую готовность страны реализовывать проекты электронного участия. С другой стороны, этот показатель можно трактовать как некую критическую долю *online*-населения, достижение которой побуждает государство обозначить свое присутствие в сети (в противном случае цифровая дилемма диктатора «качнется» в сторону рисков).

Таблица 4 Результаты регрессионного анализа (гибридные режимы; зависимая переменная – электронное участие)

Переменные	Стандартизированные β -коэффициенты										
	M1	M2	M3	M4	M5	M6	M7	M8	M9	M10	M11
Экономическая глобализация	0,335**	0,279**	0,253**	0,252**	—	—	—	—	—	—	—
Политическая глобализация	0,233**	0,313**	0,327**	0,297**	—	—	—	—	—	—	—
Стабильность режима	—	—	—	—	0,259**	0,269**	0,175**	0,199*	0,157*	0,106	0,141
Политический террор	—	—	—	—	—	-0,067	—	—	—	—	—
Качество институтов	—	—	—	—	—	—	0,306**	—	0,365**	0,432**	0,361**
Нефтяное богатство	—	—	—	—	—	—	—	0,354**	0,336**	0,268**	0,343**
Зависимость от нефти	—	—	—	—	—	—	—	-0,500**	-0,318**	-0,270**	-0,324**
Интернет	0,265**	—	—	—	0,379**	0,368**	0,337**	—	0,199*	0,250**	0,189*
Человеческий капитал	0,043	-0,001	-0,058	-0,072	0,129*	0,115	—	—	—	—	—
Демократия	0,014	0,120	0,094	0,079	0,015	0,022	—	—	—	—	—
ВВП на душу населения	—	0,338**	0,375**	0,338**	—	—	—	0,399**	—	—	—
Латинская Америка	—	—	0,116	—	—	—	—	—	—	0,210**	—
Постсоветские страны	—	—	0,118	—	—	—	—	—	—	0,067	—
Африка	—	—	—	-0,166*	—	—	—	—	—	—	-0,055
Ближний Восток	—	—	—	-0,062	—	—	—	—	—	—	0,018
R ²	0,353	0,369	0,385	0,384	0,326	0,315	0,379	0,291	0,363	0,397	0,366
Скорректированный R ²	0,336	0,352	0,362	0,361	0,312	0,295	0,370	0,271	0,341	0,366	0,335
Стандартная ошибка	0,8500	0,8341	0,8277	0,8284	0,8511	0,8810	0,8133	0,9277	0,8897	0,8721	0,8937
N	189	192	192	192	205	184	214	151	148	148	148

* Значимость на уровне 0,05
** Значимость на уровне 0,01

Таблица 5 Результаты регрессионного анализа (авторитарные режимы; зависимая переменная — электронное участие)

Переменные	Стандартизированные β -коэффициенты													
	M12	M13	M14	M15	M16	M17	M18	M19	M20	M21	M22			
Экономическая глобализация	0,295**	0,412**	0,336**	0,319**	—	—	—	—	—	—	—			
Политическая глобализация	0,282**	0,330**	0,298**	0,314**	—	—	—	—	—	—	—			
Стабильность режима	—	—	—	—	0,012	0,027	-0,031	0,204*	-0,055	—	—			
Политический террор	—	—	—	—	—	-0,009	—	—	—	—	—			
Качество институтов	—	—	—	—	—	—	0,282**	—	0,268**	0,201*	0,182*			
Нефтяное богатство	—	—	—	—	—	—	—	0,267**	0,234**	0,214**	0,241**			
Зависимость от нефти	—	—	—	—	—	—	—	-0,152	-0,071	—	—			
Интернет	0,347**	—	0,351**	0,340**	0,582**	0,584**	0,406**	—	0,371**	0,399**	0,422**			
Человеческий капитал	-0,099	0,088	-0,068	-0,086	0,064	0,074	0,038	—	—	—	—			
Демократия	0,059	-0,200*	-0,132	-0,102	0,035	0,053	0,005	—	—	—	—			
ВВП на душу населения	—	0,130	—	—	—	—	—	0,034	—	—	—			
Латинская Америка	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—			
Постсоветские страны	—	—	0,213*	—	—	—	—	—	—	0,140*	—			
Африка	—	—	—	-0,285*	—	—	—	—	—	—	-0,075			
Ближний Восток	—	—	—	-0,161	—	—	—	—	—	—	-0,092			
R ²	0,418	0,342	0,449	0,455	0,355	0,367	0,397	0,161	0,427	0,427	0,416			
Скорректированный R ²	0,392	0,314	0,420	0,422	0,338	0,345	0,377	0,136	0,404	0,414	0,399			
Стандартная ошибка	0,8656	0,9166	0,8457	0,8445	0,8529	0,8569	0,8275	0,9885	0,8280	0,7746	0,7844			
N	121	122	121	121	154	148	154	137	133	176	176			

* Значимость на уровне 0,05

** Значимость на уровне 0,01

⁴⁸ Показатель
AUTOC проекта
Polity IV.

Демократичность режима не является предиктором успеха электронного участия; более того, среди авторитарных стран даже прослеживается обратная зависимость (M13). Дополнительный корреляционный анализ выявил значимую положительную связь между уровнем институционализации автократии⁴⁸ и развитием электронного участия (0,199*), что свидетельствует о важности консолидации авторитарного режима для успеха проекта.

Уровень ВВП значим для гибридных стран во всех моделях — в отличие от автократий, хотя и в этом случае прослеживается достаточно плотная корреляция (0,363**). Обращает на себя внимание слабая роль человеческого капитала, несмотря на наличие значимой корреляции данного показателя с уровнем развития электронного участия в обеих выборках (0,248** и 0,213** соответственно).

В отношении обеих групп подтверждается гипотеза, согласно которой внедрение электронного участия отчасти обусловлено внешними факторами. С поправкой на контрольные переменные ими можно объяснить около 30% случаев в обеих выборках. Некоторые из стран — лидеров в области электронного участия плотно интегрированы в мировую экономическую систему (Сингапур, ОАЭ, Бахрейн), другие принимают активное участие в международной политике (Россия, Китай). Включенность в глобальные процессы способствует более внимательному отношению правительств к новым трендам.

В целом подтверждается и вторая гипотеза. Факторы, отнесенные нами к условиям снижения рисков, тоже объясняют около трети случаев. В ряде моделей (M5—M9, M19) зафиксирована значимость длительности режима с ожидаемым знаком; правда, при добавлении новых переменных она теряет свою объяснительную силу. В стабильных условиях электронное участие действительно развивается интенсивнее, однако содержание самого концепта «стабильность» не сводится к продолжительности существования режима. Более важным предиктором оказывается институциональная среда. Относительно более эффективные правовые институты, государственное управление и контроль над коррупцией благоприятствуют развитию электронного участия (Сингапур, ОАЭ). Качественные институты позволяют не только обеспечить устойчивость режима, но и снизить бюрократические издержки реализации политического курса.

Несмотря на незначимость «политического террора» (M6, M17), данный фактор, на наш взгляд, рано сбрасывать со счетов. Хотя offline-ограничения пока мало связаны с электронным участием, запреты, вводимые в интернете, могут играть серьезную роль. Среди лидеров в области электронного участия часто оказываются страны с частично свободным либо несвободным интернетом (ОАЭ, Казахстан, Бахрейн, Сингапур, Марокко)⁴⁹. В двойственной политике⁵⁰ этих стран просматривается стремление решить цифровую дилемму диктатора наиболее выгодным для себя образом, максимизируя экономические выгоды и снижая демократизирующий потенциал новых технологий.

⁴⁹ Country s.a.

⁵⁰ Karlsson 2013.

Нефтяное богатство положительно сказывается на развитии электронного участия как в гибридных режимах, так и в автократиях, при этом зависимость от нефти значима с отрицательным знаком для первых (M8—M11) и незначима (но тоже с отрицательным знаком) для вторых (M19, M20). Трактовать это можно по-разному, так как высокая доля нефтяной ренты означает относительно низкий уровень развития экономики страны, а нефтяные доходы могут рассматриваться в качестве *проху*-переменной для национального богатства. В плане экономики высокие доходы от продажи ресурсов позволяют снижать экономические издержки от внедрения электронного участия. В политическом плане *ресурсное проклятие* способствует низкому, а *ресурсное богатство* — высокому уровню развития электронного участия. Однако *нефть* не является ни необходимым, ни достаточным условием такового. В сочетании с эффективными институтами она выступает источником доходов, основой устойчивости режима и одним из факторов развития электронного участия. В случае низкого качества институтов и/или политической нестабильности (Нигерия, Кувейт) наличие ресурсов не гарантирует движения в этом направлении.

Региональная специфика выражена довольно слабо, в каждом регионе имеются свои лидеры и аутсайдеры. В моделях выделяются страны Латинской Америки (M10) и постсоветского пространства (M14, M21), усиливая взаимосвязь между электронным участием и нефтяным богатством. Значимой, но с отрицательным знаком является принадлежность к африканским странам (M16), где слабая включенность в глобализационные процессы часто сочетается с низким уровнем как экономического, так и институционального развития.

Заключение

С точки зрения регулирования интернета деление стран на демократические и недемократические не всегда работает. Страны первого типа вполне могут ограничивать и блокировать контент⁵¹, а второго — активно использовать возможности сети. Дифференциация происходит внутри групп. Что касается недемократических стран, то их позиции по этому вопросу определяются прежде всего тем, как они решают дилеммы, поставленные новыми технологиями. Для многих из них полный отказ от таких технологий — непозволительная роскошь и упущенная возможность. Все больше стран практикуют то, что Р.МакКиннон называет *сетевым авторитаризмом*, когда режим «пользуется цифровыми коммуникациями и приспосабливается к неизбежно привносимым ими изменениям»⁵². Они допускают относительно свободное общение в сети, но различными способами препятствуют его превращению в угрозу режиму. Власть выступает не только как регулятор, но и как активный участник интернет-пространства⁵³.

Полностью вписывается в эту схему и развитие в таких странах электронного участия. Из инструмента электронной демократии оно превращается в элемент электронного авторитаризма, позволяя власти

⁵¹ Howard et al. 2011.

⁵² MacKinnon 2011: 33.

⁵³ Pearce, Kendzior 2012: 284.

контролировать повестку дня, решать задачи модернизации, бороться за присутствие и преобладание в публичной online-сфере.

Чтобы стать лидером в области электронного участия (в рамках электронного авторитаризма), страна должна обладать рядом характеристик. Она должна быть активно встроена в глобальные процессы, обладать значительными ресурсами (например, нефтяными доходами) и эффективными институтами, а также использовать разнообразные способы «укрощения интернета». Страны, не имеющие достаточных стимулов следовать мировым трендам и/или необходимых для этого ресурсов либо находящиеся в состоянии политической нестабильности и охваченные конфликтами разной степени интенсивности, обречены на роль аутсайдеров в плане внедрения соответствующих механизмов.

Подводя итог проведенному исследованию, в целом подтвердившему выдвинутые выше гипотезы, следует отметить, что у использованной нами методики их тестирования есть ряд ограничений. Поскольку Индекс ООН фиксирует исключительно формальные показатели, мы не можем с полной уверенностью говорить о сугубо фасадном характере электронного участия в недемократических странах. Вероятно, роль, которую оно играет, разнится от страны к стране. Более внимательно стоит отнестись и к разделению режимов по типам, что, на наш взгляд, даст возможность точнее оценить динамику в каждом из них. Кроме того, важно иметь в виду, что даже при объективно благоприятных обстоятельствах на решение о внедрении электронного участия влияют и субъективные факторы. Не случайно далеко не всегда удается установить причины различий между странами, находящимися в примерно равных условиях.

Думается, что привлечение новых данных, более точно отражающих выделенные переменные, а также проведение сравнительных исследований с малым числом случаев и *case-studies* позволят дополнить представленные выше модели, усилив их объяснительный потенциал.

Библиография

Гельман В.Я., Стародубцев А.В. 2014. Возможности и ограничения авторитарной модернизации: Российские реформы 2000-х годов // *Полития*. № 4.

Трахтенберг А.Д. 2012. Электронное правительство: состоится ли «изобретение государства заново»? // *Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН*. № 12.

Åström J., Karlsson M., Linde J., Pirannejad A. 2012. Understanding the Rise of E-Participation in Non-Democracies: Domestic and International Factors // *Government Information Quarterly*. Vol. 29. № 2.

Berry F.S., Berry W.D. 1999. Innovation and Diffusion Models in Policy Research // Sabatier P. (ed.) *Theories of the Policy Process*. — Boulder.

Brancati D. 2014. Democratic Authoritarianism: Origins and Effects // *Annual Review of Political Science*. Vol. 17.

Chadwick A. 2001. The Electronic Face of Government in the Internet Age: Borrowing from Murray Edelman // *Information, Communication and Society*. Vol. 4. № 3.

Coglianesi C. 2009. The Transparency President? The Obama Administration and Open Government // *Governance*. Vol. 22. № 4.

Cooley A. 2015. The Emerging Politics of International Rankings and Ratings: A Framework for Analysis // Cooley A., Snyder J. (eds.) *Ranking the World*. — N.Y.

Country Profiles // *OpenNet Initiative* (<https://opennet.net/research/profiles>).

Diamond L. 2002. Thinking about Hybrid Regimes // *Journal of Democracy*. Vol. 13. № 2.

Diamond L. 2010. Liberation Technology // *Journal of Democracy*. Vol. 21. № 3.

Dolowitz D., Marsh D. 2000. Learning from Abroad: The Role of Policy Transfer in Contemporary Policy-Making // *Governance*. Vol. 13. № 1.

Egorov G., Guriev S., Sonin K. 2009. Why Resource-Poor Dictators Allow Freer Media: A Theory and Evidence from Panel Data // *American Political Science Review*. Vol. 103. № 4.

E-Participation Index // *UN E-Government Survey* (<https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/About/Overview/E-Participation>).

Freedom in the World (<https://freedomhouse.org/report-types/freedom-world>).

Freedom on the Net (<https://freedomhouse.org/report-types/freedom-net>).

Gandhi J., Przeworski A. 2007. Authoritarian Institutions and the Survival of Autocrats // *Comparative Political Studies*. Vol. 40. № 11.

Göbel C. 2011. Authoritarian Consolidation // *European Political Science*. Vol. 10. № 2.

Göbel C. 2013. The Information Dilemma: How ICT Strengthen or Weaken Authoritarian Rule // *Statsvetenskaplig Tidskrift*. Vol. 115. № 4.

Grönlund A. 2011. Connecting eGovernment to Real Government — the Failure of the UN eParticipation Index // Janssen M., Scholl H., Wimmer M., Tan Y.-H. (eds.) *Electronic Government: 10th IFIPWG 8.5 International Conference, EGOV 2011, Delft, Netherlands, August 28 — September 2*. — Berlin.

Gulati G., Williams C., Jates D. 2014. Predictors of Online — Services and E-Participation: A Cross-National Comparison // *Government Information Quarterly*. Vol. 31. № 4.

He B., Warren M. E. 2011. Authoritarian Deliberation: The Deliberative Turn in Chinese Political Development // *Perspectives on Politics*. Vol. 9. № 2.

Howard P.N., Agarwal S.D., Hussain M.M. 2011. The Dictators' Digital Dilemma: When Do States Disconnect Their Digital Networks? // *Issues in Technology Innovation*. № 13.

Jho W., Song K. J. 2015. Institutional and Technological Determinants of Civil e-Participation: Solo or Duet? // *Government Information Quarterly*. Vol. 32. № 4.

Jiang M. 2010. Spaces of Authoritarian Deliberation: Online Public Deliberation in China // Leib E., He B. (eds.) *The Search for Deliberative Democracy in China*. — N.Y.

Jiang M., Xu H. 2009. Exploring Online Structures on Chinese Government Portals: Citizen Political Participation and Government Legitimation // *Social Science Computer Review*. Vol. 9. № 2.

Karlsson M. 2013. Carrots and Sticks: Internet-governance in Non-democratic Regimes // *International Journal of Electronic Governance*. Vol. 6. № 3.

Katchanovski I., La Porte T. 2005. Cyberdemocracy or Potemkin e-Villages? Electronic Governments in OECD and Post-Communist Countries // *International Journal of Public Administration*. Vol. 28. № 7—8.

Kedzie C. 1997. *Communication and Democracy: Coincident Revolutions and the Emergent Dictators*. — Santa Monica (http://www.rand.org/pubs/rgs_dissertations/RGSD127.html).

Kerr J. 2014. *The Digital Dictator's Dilemma: Internet Regulation and Political Control in Non-Democratic States* (http://cisac.fsi.stanford.edu/sites/default/files/kerr_-_cisac_seminar_-_oct_2014_-_digital_dictators_dilemma.pdf).

Ko K., Lee H., Jang S. 2009. The Internet Dilemma and Control Policy: Political and Economic Implications of the Internet in North Korea // *The Korean Journal of Defense Analysis*. Vol. 21. № 3.

KOF Index of Globalization (<http://globalization.kof.ethz.ch>).

Lee C., Chang K., Berry F.S. 2011. Testing the Development and Diffusion of E-Government and E-Democracy: A Global Perspective // *Public Administration Review*. Vol. 71. № 3.

Linde J., Karlsson M. 2013. The Dictator's New Clothes: The Relationship Between E-Participation and Quality of Government in Non-democratic Regimes // *International Journal of Public Administration*. Vol. 36. № 4.

MacKinnon R. 2011. China's «Networked Authoritarianism» // *Journal of Democracy*. Vol. 22. № 2.

Mark G., Cornett L., Wood R., Haschke P., Arnon D. 2015. *The Political Terror Scale 1976—2015* (<http://www.politicalterrorsscale.org>).

Medaglia R. 2012. eParticipation Research: Moving Characterization Forward (2006—2011) // *Government Information Quarterly*. Vol. 29. № 3.

Morrison K. 2009. Oil, Nontax Revenue, and the Redistributive Foundations of Regime Stability // *International Organization*. Vol. 63. № 1.

Pearce K.E., Kendzior S. 2012. Networked Authoritarianism and Social Media in Azerbaijan // *Journal of Communication*. Vol. 62. № 2.

Polity IV Annual Time-Series, 1800—2014 (<http://www.systemic-peace.org/inscrdata.html>).

Ross M.L. 2001. Does Oil Hinder Democracy? // *World Politics*. Vol. 53. № 3.

Ross M.L. 2013. *Oil and Gas Data, 1932—2011* (<http://hdl.handle.net/1902.1/20369>).

Saleh N. 2012. Egypt's Digital Activism and the Dictator's Dilemma: An Evaluation // *Telecommunications Policy*. Vol. 36. № 6.

Sanford C., Rose J. 2007. Characterizing eParticipation // *International Journal of Information Management*. № 27.

Stier S. 2015. Political Determinants of E-Government Performance Revisited: Comparing Democracies and Autocracies // *Government Information Quarterly*. Vol. 32. № 3.

Susha I., Grönlund Å. 2012. eParticipation Research: Systemizing the Field // *Government Information Quarterly*. Vol. 29. № 3.

UN E-Government Survey Data (<https://publicadministration.un.org/egovkb>).

World Bank Data (<http://data.worldbank.org>).

World Governance Indicators (<http://info.worldbank.org/governance/wgi/>).

References

Åström J., Karlsson M., Linde J., Pirannejad A. 2012. Understanding the Rise of E-Participation in Non-Democracies: Domestic and International Factors // *Government Information Quarterly*. Vol. 29. № 2.

Berry F.S., Berry W.D. 1999. Innovation and Diffusion Models in Policy Research // Sabatier P. (ed.) *Theories of the Policy Process*. — Boulder.

Brancati D. 2014. Democratic Authoritarianism: Origins and Effects // *Annual Review of Political Science*. Vol. 17.

Chadwick A. 2001. The Electronic Face of Government in the Internet Age: Borrowing from Murray Edelman // *Information, Communication and Society*. Vol. 4. № 3.

Coglianesi C. 2009. The Transparency President? The Obama Administration and Open Government // *Governance*. Vol. 22. № 4.

Cooley A. 2015. The Emerging Politics of International Rankings and Ratings: A Framework for Analysis // Cooley A., Snyder J. (eds.) *Ranking the World*. — N.Y.

Country Profiles // *OpenNet Initiative* (<https://opennet.net/research/profiles>).

Diamond L. 2002. Thinking about Hybrid Regimes // *Journal of Democracy*. Vol. 13. № 2.

Diamond L. 2010. Liberation Technology // *Journal of Democracy*. Vol. 21. № 3.

Dolowitz D., Marsh D. 2000. Learning from Abroad: The Role of Policy Transfer in Contemporary Policy-Making // *Governance*. Vol. 13. № 1.

Egorov G., Guriev S., Sonin K. 2009. Why Resource-Poor Dictators Allow Freer Media: A Theory and Evidence from Panel Data // *American Political Science Review*. Vol. 103. № 4.

E-Participation Index // *UN E-Government Survey* (<https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/About/Overview/E-Participation>).

Freedom in the World (<https://freedomhouse.org/report-types/freedom-world>).

Freedom on the Net (<https://freedomhouse.org/report-types/freedom-net>).

Gandhi J., Przeworski A. 2007. Authoritarian Institutions and the Survival of Autocrats // *Comparative Political Studies*. Vol. 40. № 11.

Gel'man V.Y., Starodubtsev A.V. 2014. Vozможности i ogranicheniya avtoritarnoy modernizatsii: Rossiyskiye reformi 2000-h godov // *Politeia*. № 4.

Göbel C. 2011. Authoritarian Consolidation // *European Political Science*. Vol. 10. № 2.

Göbel C. 2013. The Information Dilemma: How ICT Strengthen or Weaken Authoritarian Rule // *Statsvetenskaplig Tidskrift*. Vol. 115. № 4.

Grönlund A. 2011. Connecting eGovernment to Real Government — the Failure of the UN eParticipation Index // Janssen M., Scholl H., Wimmer M., Tan Y-H. (eds.) *Electronic Government: 10th IFIPWG 8.5 International Conference, EGOV 2011, Delft, Netherlands, August 28 — September 2*. — Berlin.

Gulati G., Williams C., Jates D. 2014. Predictors of Online — Services and E-Participation: A Cross-National Comparison // *Government Information Quarterly*. Vol. 31. № 4.

He B., Warren M. E. 2011. Authoritarian Deliberation: The Deliberative Turn in Chinese Political Development // *Perspectives on Politics*. Vol. 9. № 2.

Howard P.N., Agarwal S.D., Hussain M.M. 2011. The Dictators' Digital Dilemma: When Do States Disconnect Their Digital Networks? // *Issues in Technology Innovation*. № 13.

Jho W., Song K. J. 2015. Institutional and Technological Determinants of Civil e-Participation: Solo or Duet? // *Government Information Quarterly*. Vol. 32. № 4.

Jiang M. 2010. Spaces of Authoritarian Deliberation: Online Public Deliberation in China // Leib E., He B. (eds.) *The Search for Deliberative Democracy in China*. — N.Y.

Jiang M., Xu H. 2009. Exploring Online Structures on Chinese Government Portals: Citizen Political Participation and Government Legitimation // *Social Science Computer Review*. Vol. 9. № 2.

Karlsson M. 2013. Carrots and Sticks: Internet-governance in Non-democratic Regimes // *International Journal of Electronic Governance*. Vol. 6. № 3.

Katchanovski I., La Porte T. 2005. Cyberdemocracy or Potemkin e-Villages? Electronic Governments in OECD and Post-Communist Countries // *International Journal of Public Administration*. Vol. 28. № 7—8.

Kedzie C. 1997. *Communication and Democracy: Coincident Revolutions and the Emergent Dictators*. — Santa Monica (http://www.rand.org/pubs/rgs_dissertations/RGSD127.html).

Kerr J. 2014. *The Digital Dictator's Dilemma: Internet Regulation and Political Control in Non-Democratic States* (http://cisac.fsi.stanford.edu/sites/default/files/kerr_-_cisac_seminar_-_oct_2014_-_digital_dictators_dilemma.pdf).

Ko K., Lee H., Jang S. 2009. The Internet Dilemma and Control Policy: Political and Economic Implications of the Internet in North Korea // *The Korean Journal of Defense Analysis*. Vol. 21. № 3.

KOF Index of Globalization (<http://globalization.kof.ethz.ch>).

Lee C., Chang K., Berry F.S. 2011. Testing the Development and Diffusion of E-Government and E-Democracy: A Global Perspective // *Public Administration Review*. Vol. 71. № 3.

Linde J., Karlsson M. 2013. The Dictator's New Clothes: The Relationship Between E-Participation and Quality of Government in Non-democratic Regimes // *International Journal of Public Administration*. Vol. 36. № 4.

MacKinnon R. 2011. China's «Networked Authoritarianism» // *Journal of Democracy*. Vol. 22. № 2.

Mark G., Cornett L., Wood R., Haschke P., Arnon D. 2015. *The Political Terror Scale 1976—2015* (<http://www.politicalterror scale.org>).

Medaglia R. 2012. eParticipation Research: Moving Characterization Forward (2006—2011) // *Government Information Quarterly*. Vol. 29. № 3.

Morrison K. 2009. Oil, Nontax Revenue, and the Redistributive Foundations of Regime Stability // *International Organization*. Vol. 63. № 1.

Pearce K.E., Kendzior S. 2012. Networked Authoritarianism and Social Media in Azerbaijan // *Journal of Communication*. Vol. 62. № 2.

Polity IV Annual Time-Series, 1800—2014 (<http://www.systemicpeace.org/inscrdata.html>).

Ross M.L. 2001. Does Oil Hinder Democracy? // *World Politics*. Vol. 53. № 3.

Ross M.L. 2013. *Oil and Gas Data, 1932—2011* (<http://hdl.handle.net/1902.1/20369>).

Saleh N. 2012. Egypt's Digital Activism and the Dictator's Dilemma: An Evaluation // *Telecommunications Policy*. Vol. 36. № 6.

Sanford C., Rose J. 2007. Characterizing eParticipation // *International Journal of Information Management*. № 27.

Stier S. 2015. Political Determinants of E-Government Performance Revisited: Comparing Democracies and Autocracies // *Government Information Quarterly*. Vol. 32. № 3.

Susha I., Grönlund Å. 2012. eParticipation Research: Systemizing the Field // *Government Information Quarterly*. Vol. 29. № 3.

Trakhtenberg A.D. 2012. Elektronnoye pravitel'stvo: sostoitsya li «izobretenie gosudarstva zanovo»? // *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN*. № 12.

UN E-Government Survey Data (<https://publicadministration.un.org/egovkb>).

World Bank Data (<http://data.worldbank.org>).

World Governance Indicators (<http://info.worldbank.org/governance/wgi/>).

Рисунок 1 Средние показатели стран в Индексе электронного участия ООН по группам (2003–2014 гг.)⁵⁴

⁵⁴ Страны сгруппированы на основе показателей рейтинга Freedom in the World.

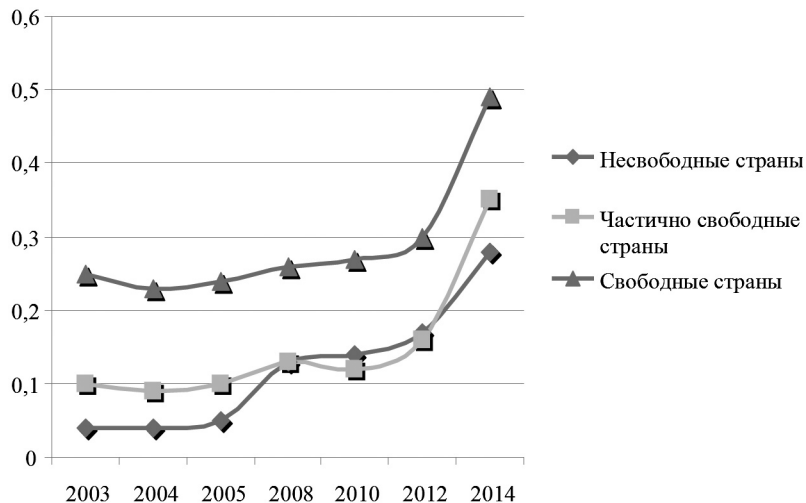

Таблица 6 Взаимосвязь между развитием электронного участия и характером политического режима

	2003	2004	2005	2008	2010	2012	2014
Демократии	0,619**	0,532**	0,512**	0,360**	0,401**	0,314**	0,380**
Автократии	-0,426**	-0,376**	-0,360**	-0,224**	-0,236**	-0,112	-0,159*

Источник данных — UN E-Participation Index и Polity IV (показатели DEMOS и AUTOC)
Количество случаев — 167

* Корреляция Пирсона статистически значима на уровне 0,05
** Корреляция Пирсона статистически значима на уровне 0,01